

В. Г. Белинский

Руководство к всеобщей истории

Виссарион Григорьевич Белинский

Руководство к всеобщей истории

В русской общественной мысли 30–40-х гг. XIX в., по словам А. И. Герцена, установился «союз новой философии с социализмом»; под «новой философией» подразумевалась философско-историческая диалектика Гегеля, под социализмом – комплекс утопически-социалистических воззрений, выработанных главным образом французскими мыслителями первой половины XIX в. Статья Белинского по поводу пособия Ф. Лоренца является характерным свидетельством этого «союза», отразившим как его несомненное позитивное значение, так и его историческую ограниченность.

Содержание

#1	0005
Примечания	0042

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Руководство к всеобщей
истории**

*Сочинение Фридриха Лоренца. Часть I.
Санкт-Петербург. 1841.*

Век наш – по преимуществу *исторический* век. Историческое созерцание могущественно и неотразимо проникло собою все сферы современного сознания. История сделалась теперь как бы общим основанием и единственным условием всякого живого знания: без нее стало невозможно постижение ни искусства, ни философии. Мало того: само искусство теперь сделалось по преимуществу историческим: исторический роман и историческая драма интересуют теперь всех и каждого больше, чем произведения в том же роде, принадлежащие к сфере чистого вымысла. Люди ограниченные никак не могут примирить, в своем сухом и узком понятии, свободного вымысла фантазии с исторической действительностью, – и некоторые из них, с свойственным невежеству простодушием, громко, во всеуслышание, издеваются над историческим романом, как над нелепостью^{1}, которая оскорбляет здравый смысл и помрачает славу гения шотландского романиста: в слепоте своей эти жалкие умники не видят, что все величие гения Вальтера Скотта именно в том и состоит, что он был органом и

провозвестником века, давши искусству историческое направление{2}. Упадок живописи в наше время происходит совсем не оттого, чтоб это искусство исчерпало все свое содержание и отжило свой век: нет, содержание всякого искусства есть действительность, следственно, оно неисчерпаемо и неистоцимо, как сама действительность... Можно утверждать с большим основанием, что живопись не умерла, а только обессилела в наше время, стараясь держаться старых преданий, идти по следам, раз и будто бы навсегда продолженным великими мастерами средних веков, сиюсь остановиться в сфере некогда могущественных и великих, но теперь уже мертвых интересов и не делаясь искусством по преимуществу историческим. Да, только в исторической живописи могут являться теперь великие творцы, ибо только историческая действительность может теперь дать живописи и живое содержание и современный интерес... Таково влияние истории на современное искусство!

В знании историческое созерцание едва ли еще не больше заметно. Давно ли эстетика

шла своим особым путем, не спрашиваясь у истории, не соприкасаясь с нею? Еще и теперь многие добрые люди, повторяя чужие зады, пренаивно уверяют, что искусство само по себе, а жизнь сама по себе, что между тем и другою нет ничего общего и что искусство унилось бы, снизойдя до современных интересов{3}. Действительно, если под «современными интересами» разуместь моды, биржевой курс, сплетни и мелочи света, то искусство играло бы слишком жалкую роль, если б унилось до симпатии к таким «современным интересам». Так и было с искусством во Франции, когда оно заставляло греческих и римских героев выражать современные дворские сплетни. Нет, не то разумеется под историческим направлением искусства: это или современный взгляд на прошедшее, или мысль века, скорбная дума, или светлая радость времени; это не интересы сословия, но интересы общества; не интересы государства, но интересы человечества; словом, это общее, в идеальном и возвышенном значении слова... Мы теперь знаем уже, что искусство, как выражение сознания того или другого народа

и целого человечества в известную эпоху, – есть как бы биение пульса его жизни, а потому и развитие и история искусства тесно связаны с развитием и историей народа или человечества. Вследствие этого мы теперь знаем, что у новейших народов Европы, с тех времен, когда они познакомились с древними литературами, не могло, да и никогда не может быть эпопеи вроде «Илиады» и «Одиссеи» и что «Освобожденный Иерусалим», «Потерянный рай», «Мессиада»{4} и т. п. суть произведения людей даровитых, но отнюдь не гениальных, – произведения блестящие, но в то же время и ложные... Мы теперь знаем, что сатира не есть осмеяние пороков для исправления нравов, но что это есть высший суд над падшим обществом, его предсмертный, раздирающий душу вопль, и что Персии и Ювеналы явились в римской литературе не случайно, а необходимо, и притом в самую пору, так что ранее не могли явиться... Мы теперь знаем, что роман и драма должны преобладать, в наше время, над всеми другими родами поэзии, как наиболее приличные и способные формы для выражения современной

действительности. Мы теперь знаем, что поэты нашей эпохи не могут быть ни классиками, ни романтиками, но что в их произведениях должны заключаться и классицизм и романтизм, как прошедшее заключается в настоящем. И все это мы потому знаем, что знаем законы развития духа человеческого в истории...

В науке – собственно, влияние исторического созерцания так же ощутительно, как и в искусстве. Мы разумеем здесь преимущественно философию, как пауку тех живых истин, которые положены краеугольными камнями мироздания. Впрочем, здесь влияние было взаимное: от успеха истории как науки сделался возможным окончательный успех философии, которая, в свою очередь, по мере собственных успехов, возвышала достоинство истории как науки. Можно сказать, что философия есть душа и смысл истории, а история есть живое, практическое проявление философии в событиях и фактах. По Гегелю, мышление есть как бы историческое движение духа, сознающего себя в своих *моментах*; и ни один философ не дал истории такого бес-

конечного и всеобъемлющего значения, как этот величайший и последний представитель философии...{5}

Историческое созерцание проникло всю современную действительность – даже самый быт наш. Чувство общности теперь везде сильнее, чем когда-либо прежде было. Каждый живее чувствует себя в обществе и общество в себе, и каждый по крайней мере претендует служить обществу, служа себе самому. Вражда между сословиями исчезает, и они примиряются в признании взаимной необходимости и взаимной важности для общества. Зависть уступает место соревнованию. Общественные предприятия возбуждают общий интерес, как дело, лично до каждого касающееся. Какая-нибудь железная дорога утверждается на основании опытов прошедшего, на предвидении результатов в будущем. Для обществ как будто исчезло различие между прошедшим, настоящим и будущим: общества равно живут теперь во всех трех этих отношениях времени, – и настоящее для них есть результат прошедшего, на основании которого должно осуществиться и их бу-

дущее. *Прогресс и движение* сделались теперь словами ежедневными. Новизна никого не пугает; предела усовершенствованиям никто не видит. Каждое общество теперь, в каждую минуту своего существования, представляется в нескольких поколениях, которые суть живые летописи прошедшего, свидетельство настоящего и пророчество будущего: это ступени исторического движения общества, ступени, едва ли отделенные друг от друга какими-нибудь пятилетиями!.. Так скоро все движется теперь...

Какая же причина этого скорого движения? – Созревшее историческое сознание вследствие успеха, в последнее время, истории как науки.

История была всегда и у всех народов: у одного как предание, у другого как сказка, у третьего как поэма, у четвертого как хроника, и т. д. У греков была даже художественная история, где с критическим анализом событий соединялось и художественное изложение. Но это все еще не та история, о которой мы говорим: это еще простая история, как рассказ о событиях в жизни народа, а не история, как

наука. Народ сам по себе еще немного значит, и сколько есть народов на земле, о которых мы знаем только то, что они есть, а больше ничего о них и знать не хотим. Притом же повествование о том, что было, – еще не история. Средние века были богаты хрониками, которых простодушные авторы описывали, что и как видели, с своей точки зрения. Теперь история из хроники сделалась «мемуарами». Но все это только материалы для истории, еще не история. Сущность истории как науки состоит в том, чтоб возвысить понятие о человечестве до идеальной личности; чтоб во внешней судьбе этой «идеальной личности» показать борьбу необходимого, разумного и вечного с случайным, произвольным и преходящим, а в движении вперед этой «идеальной личности» показать победу необходимого, разумного и вечного над случайным, произвольным и преходящим. Да, задача истории – представить человечество как индивидуум, как личность и быть биографией) этой «идеальной личности»{6}. Человечество есть именно – «идеальная личность»: *личность* – потому что у него есть свое я, есть

свое сознание, хотя и выговариваемое не одним, а многими лицами; есть свои возрасты, как и у человека, есть развитие, движение вперед; *идеальная* – потому что нельзя эмпирически доказать ее существования, указав неверующему пальцем и сказавши: «Вот человечество – смотри!»

И однако ж сколько этих неверующих, которые никогда не признают существования того, на что нельзя указать, чего нельзя увидеть глазами, обонять носом, отведать языком, услышать ухом, осязать рукою!.. Таково свойство всякой живой истины: сколько громко говорит она живой душе, столько нема для мертвой! Никто не усомнится в существовании человечества как числительного собрания двуногих тварей, населяющих собою земной шар; но многие ли в состоянии понять, что человечество есть не только *собрательное*, но еще и *личное* имя – название одного лица, которое, проживши несколько тысячелетий, подобно каждому человеку, отдельно взятому, не помнит своего рождения и первых лет своего бессознательного существования; которое, подобно каждому челове-

ку, отдельно взятому, было младенцем, отроком, юношею и теперь стремится к своей полной возмужалости; которое, подобно каждому, отдельно взятому человеку, всегда стремилось к положительному убеждению и знанию и всегда отрицало свое убеждение и знание, чтоб на его развалинах основать более близкое к истине; которое, подобно человеку, заблуждалось и восставало, страдало и блаженствовало и которого жизнь вечно будет состоять в том, чтоб заблуждаться и восставать, страдать и блаженствовать... Однако ж из этого отнюдь не следует, чтоб человечество стояло на одном месте или чтоб оно стремилось от одной лжи к другой; нет лжи для человечества, но есть только старая истина, которая, разрушаясь, рождает из себя новую, высшую истину, подобно фениксу, в новой красе возрождающемуся, по восточному преданию, из собственного пепла... Человечество движется не прямою линиею и не зигзагами, а спиральным кругом, так что высшая точка пережитой им истины в то же время есть уже и точка поворота его от этой истины, – правда, поворота не вверх, а вниз; но для того

вниз, чтоб очертить новый, более обширный круг и стать в новой точке, выше прежней, и потом опять идти, понижаясь, кверху... Вот почему человечество никогда не стоит на одном месте, ни отодвигается назад, делая таким образом бесполезным пройденный прежде путь: это только попятное движение назад, чтоб тем с большею силою ринуться вперед... Сперва свет знания и цивилизации блеснул на берегах Евфрата, Тигра и Нила, но, перешедши в Грецию, померк, – потом Греция же возвратила его, и уже не в том виде, в каком получила, но в большем и лучшем; македонский герой разлил его до берегов Гангеса, утвердил в Сирии, Египте и Малой Азии... Погиб мир древний с его цивилизациею и просвещением, с его искусством и правом; и что же? – варварские тевтонские племена, разрушившие Западную Римскую империю, с лихою возвращают теперь земле Гомера и Платона взятое ими от нее, а смешавшиеся с римлянами вандалы и готы не вечно же будут дремать в позорном бездействии... Движение и развитие человечества основано на простом законе смертности отдельных лиц: наро-

дится поколение, образуется в известную форму, приобретет себе или просто привычкою усвоит себе известный круг мыслей, известные убеждения и понятия, в которых и умирает, с которыми ему так же трудно расставаться, как с жизнью. Но вот следующее за ним поколение уже рознится от него: с жадностью принимает оно всякое нововведение, всякую новую мысль; старое поколение обыкновенно упрекает новое в вольнодумстве и разврате, а новое обыкновенно исподтишка смеется над старым, не слушая его, до тех пор, пока наконец не состареется само и не будет играть такой же роли в отношении к сменившему его поколению; – между тем то, что вначале казалось вольнодумством и развратом, впоследствии признается и добрым, и истинным, и полезным... Ведь было же время, когда сожжение на костре еретиков, вольнодумцев и чародеев считалось делом богоугодным и когда величайшим безбожием могло показаться сомнение в необходимости и святости благонамеренного и благочестивого аутодафе; а теперь?.. Сколько же легло в землю поколений, связавших собою, подобно звеньям

цепи, «тогда» и «теперь»! Ведь такой переворот в образе мыслей не мог совершиться скоро! Сколько сожжено было вольномысливших о сожжении!.. Но одна только смена поколения поколением еще недостаточна для движения человечества по пути развития и совершенствования: в отношении к движению юные поколения играют роль только плодородной почвы, на которой скоро принимаются семена преуспеяния. Семена же эти бросаются на плодородную почву гениями – этими избранниками и помазанниками свыше, творящими волю посылающего их... Иногда одного из таких гениев достаточно, чтоб оплодотворить живую мыслью целый век, – и, если он властитель, подобно Александру Македонскому, Юлию Цезарю, Карлу Великому, Петру Великому, Наполеону, – он покоряет себе массу; если же он является в мале, подобно тысяче представителей идеи, то, большею частью, несчастием жизни и раннею, преждевременною могилою утверждает в массах свою идею, – и часто те же люди, которые гнали его при жизни, потом готовы растерзать всякого, кто не захочет бессмысленно

и безусловно боготворить благородную жертву их невежественного остервенения... Но поколение, современное гению, проходит, – и следующие за ним беспечно рвут небесные цветы истины на могиле гения и упиваются их божественным ароматом, как бы не подзревая, что они взрощены кровию посеявшего их... Но гении – явление редкое; всякая сильная натура, всякий человек, превышающий окружающую его толпу, есть движитель в сфере своей деятельности, – и таким образом из совокупности многих частных движений, имеющих началом своим одного великого движителя, составляет общее движение масс. Мрачный дух сомнения и отрицания, как элемент, или, лучше сказать, как сторона всецелого и вечного духа жизни, играет в движении великую роль, отрывая отдельные лица и целые массы от непосредственных и привычных положений и стремя их к новым и сознательным убеждениям...{7}

Все сказанное нами – истины столько же несомненные, сколько и не новые; но для всех ли и для многих ли?.. Повторяем: историческое созерцание есть основа всякого зна-

ния, всякой истины в наше время. Без него невозможно понимать, как следует, ни искусства, ни философии, ни права... Само естествоведение будет без него мертвым сбором фактов, а не живым знанием. Недаром называется оно иначе «естественною историею»!.. Да, естествоведение есть история творящей природы, повествование о восходящей лестнице ее явлений, картина развития в немой природе того же духа вечной жизни, который развивается в истории, – что Шеллинг выразил двумя многозначительными словами: «Deus fit»...[1] Без исторического созерцания, без понятия о прогрессе человечества, без веры в разумный промысел{8}, вечно торжествующий над произволом и случайностью, – нет истинного и живого знания в наше время. Будьте вы ориенталистом, изучите всю восточную мудрость, блистайте фактическими познаниями в естественных науках, удивляйте свет огромною начитанностью и фейерверочным остроумием; издевайтесь, в угождение толпе, над всяким так называемым априорным знанием и прославляйте немой, мертвый эмпиризм – вы все-таки не будете от это-

го ученым человеком, не сделаетесь органом века, но удивите одну лишь чернь и заставьте мудрых пожалеть о столь блестящих и так дурно употребленных способностях, если вы не понимаете, что современное состояние человечества есть необходимый результат разумного развития и что от его настоящего состояния можно делать посылки к его будущему состоянию, что свет победит тьму, разум победит предрассудки, свободное сознание сделает людей братьями по духу – и будет новая земля и новое небо...{9}

И однако ж, несмотря на ясность и осязаемую достоверность этой идеи, – ее не так-то легко усвоить себе, как это может показаться с первого взгляда. Вот почему многие весьма умные от природы люди не признают ее с каким-то упорством и ожесточением. Если трудно от эмпирического созерцания переходить к отвлеченным понятиям, то еще, кажется, труднее отвлеченные понятия возводить в живые идеальные образы без лиц. Так, не всякий способен сам собою от людей и народов сделать отвлечение и назвать его человечеством; но еще менее найдется способных

одушевить это отвлечение мыслию, дать ему индивидуальность и личность. Говоря о подобной неспособности, мы разумеем людей, которые наткнулись на подобный вопрос уже в зрелом возрасте, когда привычка, лень и неповоротливость раз установившегося ума заставляют их крепко держаться за однажды навсегда полученные впечатления и понятия. Не то бывает в возрасте детства и первой юности, когда способность непосредственно и незаметно для самого учащегося принимать в себя идеи находится в полной своей деятельности. И потому-то первоначальное ученье так важно для человека, что, можно сказать, решает участь всей его жизни. Хорошо и прочно положенное основание учению есть ручательство за истинную и основательную ученость. Душу учения составляет система и наукообразность изложения. Самое дурное учение – это учение посредством игры, забавы, учение простое и естественное. Поэтому дурно, но систематически и наукообразно ученый в детстве человек счастливее всякого самоучки, ибо что он знает, – знает прочно, а главное, всегда может учиться сам, и его уче-

ные приобретения всегда будут отличаться обширностью, глубиной, основательностью, если не всегда при этом многосторонностью, – тогда как самоучка всегда и все будет схватывать скоро и живо, но вместе с тем и поверхностно, неосновательно, непрочное, сбивчиво, калейдоскопически. Что же касается до предрассудков, вкрадывающихся в учение, то ум, предоставленный самому себе, едва ли не склоннее к предрассудкам, нежели ум, направляемый авторитетом книги или учителя.

Выше говорили мы о важности истории как науки для современного образования, необходимого каждому человеку, не только ученому, но и просто мыслящему. Из предшествовавших же рассуждений не ясно ли видно, как важно преподавание истории в средних учебных заведениях? Для детей моложе 14-ти лет история может иметь значение только разве сказок богатырских, и многие из них с большею охотой будут читать Квинта Курция «Об Александре Македонском» и военную историю римлян. Собственно же история для них не существует. Тем не менее вре-

мя от 12-ти до 14-ти лет есть самое удобное для подготовительного занятия историей, для изучения, в систематической связи и последовательности, фактов, событий, чисел, мест, имен и т. п. Налегать на одну память вредно и губительно; но и без помощи памяти опять же нельзя обойтись, а так как только у детей эта способность может действовать самобытно, без особенного участия интереса и разумения, то и всего удобнее положить в эту эпоху возраста прочное, фундаментальное знание истории. Разумеется, это знание будет фактическое, чуждое всяких взглядов и непосредственных рассуждений; но хорошо составленная учебная история никогда не может быть книгою только что фактической, в пошлом значении этого слова. В ней события (конечно, сухие и мертвые по самой уже краткости изложения) представлены в органической связи и ответственности, во взаимном воздействии и противодействии одного события на другое, одного народа на другой, так что ученик, сам того не замечая, владеет целым, хоть и далеко не подробным и не полным очерком судеб человечества. Но всего

важнее то, что он, непосредственно, сам того не замечая и не отдавая себе в том отчета, привыкает созерцать народ и человечество как идеальную личность; следственно, без труда и отвлеченного усилия может входить в историю, как в науку, которая более, нежели что-либо другое, должна сделать из него человека как в отношении к современной образованности, так и в отношении к гуманности. Имея, таким образом, в руках своих Ариаднину нить{10}, с которою, не опасаясь заблудиться, можно ходить по лабиринту бесчисленных фактов, зная, где и как должно поместить каждый из них, ученик делается готовым к более обширному и подробному курсу, где мысль событий является не только непосредственно, но и освещается взглядами автора. Фундамент важен для дома, который он должен держать на себе; но сам по себе он ни к чему не годная и совершенно бесполезная вещь: курс истории в средних учебных заведениях должен быть для ученика домом на фундаменте приготовительной истории. Здесь ученик уже мыслит на основании фактов, сначала приобретенных им бессозна-

тельно, ученической рутиную, и расширяет круг своих фактических познаний на том же основании. Если он и не будет слушать университетского курса, – он все-таки сделал великое приобретение: сам собою может он учиться истории как науке или по крайней мере будет в состоянии читать с пользою большие исторические сочинения не как «повествования о замечательных происшествиях в мире», но как живую картину пути и хода, которыми человечество почти от животной бессознательности дошло до современного состояния...

Из этого видна великая важность хороших исторических учебников для средних учебных заведений. «Руководство ко всеобщей истории» профессора Лоренца принадлежит к лучшим явлениям в своем роде не в одной русской литературе: это сочинение современно-европейское, напоминающее собою лучшие немецкие руководства последнего времени, как, например, Лео и др. Конечно, книга г. Лоренца не есть собственно курс для средних учебных заведений: она составлена из читанных им в Педагогическом институте лекций,

но она годится также и для гимназий, семинарий и может быть полезна особенно для тех учащихся, которые не имеют возможности поступать в университеты. Мы слишком далеки от смелой мысли поверять со стороны современности, свежести и достоверности фактической стороны сочинение автора, известного в Европе своею ученостию; но не почтем нескромностью бросить взгляд на творение г. Лоренца со стороны общей идеи его.

Первые же строки во «Введении» показывают, как верно и современно понимает историю г. Лоренц.

Нынешнее состояние мира и его образование (говорит он) развитием своим представляет содержание, а совершением – результат всеобщей истории. Хотя человек не изменяется в своей умственной и физической природе, хотя он все тот же, каким вышел из рук создателя, – те же желания наполняют его сердце, те же страсти управляют его поступками, те же горести и радости сопровождают его, которые он чувствовал при начале своего земного странствования: однако в развитии своих способностей он не всегда одинаков, но раз-

лично пользуется своими силами, и умственные его богатства увеличиваются, ибо ничто не погибает из того, что производит человеческий род в своем развитии. Одна генерация идет вслед за другою, и каждое поколение прибавляет к наследству, полученному от предков, свои собственные приобретения и, таким образом увеличив его, передает своим наследникам. Что для одной генерации ново и должно было пройти чрез все противоречия и победить все предрассудки, то становится знакомою вещью для следующих за нею. Теперь дети понимают то, что было тайною для мудрейших людей времен прошедших, потому что все понятия, все мысли, истекающие из деятельности ума человеческого, подобно атмосфере, ложатся над человечеством. И как наше тело вдыхает в себя физическую атмосферу, так и дух дышит этою духовною атмосферою, которая становится для него воздухом жизни.

Естественно, что эта умственная атмосфера, подобно физической, имеет свои, так сказать, климатные особенности, смотря по тому, больше или меньше какой-либо народ

пользуется результатами всеобщего развития. Но каков бы ни был народ, находящийся в области истории, во всяком можно найти хоть часть этих результатов. И только там, где исчезает всякий след истории, наш дух не может дышать, лишась своей атмосферы, как человек не может жить в воде. Образованный человек, находясь среди новозеландцев, чувствует то же самое, если б его окружило стадо диких зверей. Человеческий дух подобен неистощимому руднику, из глубины которого извлекаются всегда новые сокровища. Извлечение этих сокровищ и очищение их от нечистой примеси – вот труд, который составляет собственный предмет истории; и тот народ самый богатый, который является в истории самым деятельным. Такой народ мы называем «историческим», потому что он, думая трудиться только для своей пользы, трудится для пользы целого мира, и результаты его деятельности раньше или позднее делаются общим достоянием. Потому-то историк не с равным вниманием смотрит на все народы, по все свое внимание устремляет в особенности на какой-либо народ, который начал или про-

должал дальнейшее развитие умственной деятельности человеческого рода, который не только усвоил себе все прежние приобретения, но и умножил их. Так, Греция в продолжение некоторого времени была центром всеобщей истории, потом сошла со сцены и потеряла всякий исторический интерес. Так, Палестина некогда приобрела великое значение, а теперь только своими священными памятниками возбуждает наше внимание. Но то, что развилось на этих ничтожных точках земного шара, распространилось по всей земле, потому что другие усваивали эти приобретения и развивали далее. Итак, хотя народы, по совершению своего умственного развития, необходимо ослабевают и умирают, однако, во всяком случае, человечество, рассматриваемое как одно целое, идет вперед. Закон, по которому все происходит, вечен и неизменен, и история, в целом своем составе, прекрасна и велика, как прекрасны и велики другие творения, в которых дух божий соблаговолил открыть миру свое могущество и мудрость{11}.

К этому нечего прибавлять; похвалы здесь также неуместны: дело говорит само за себя.

Но нельзя также безусловно согласиться с мнением почтенного автора о Китае и Индии, вследствие которого эти две страны будто бы не могут и не должны иметь места в истории по причине их совершенно изолированного развития. Так, Китай не имел действия на другие государства, которые, в свою очередь, на него не имели никакого влияния; но неужели же ассирияне, вавилоняне, мидяне и самые персы потому только, в историческом смысле, важнее Китая, что они были во внешних столкновениях с Египтом, Палестиною и Грециею? И неужели такое великое явление, как Китай, велико вне истории и без всякого к ней отношения? А Китай – великое явление, – не теперешний Китай – эта хорошо сохранившаяся в течение тысячелетий мумия, – а Китай древний, первоначальный, где *человечество* впервые из состояния семейственности перешло в состояние общественности, государственности... Китай выразил собою момент семейства-государства: патриархальность высшей власти, руководствующейся определенными установлениями, беспредельное уважение к отеческой власти и обо-

жествление умерших предков – так же точно обнаруживает в нем *первое* (по времени явления) государство в мире, как и его церемониальность, *только теперь* смешная в своей крайности, но достойная уважительного исследования, как первый момент общественных форм. У семитических народов высшая власть явилась уже чистым деспотизмом, как второй момент, необходимо последовательно истекший из первого, выраженного Китаем. Дух человеческий в своем развитии не делает скачков, и мы скорее готовы думать, что, по древности Китая, затеряны следы его каких бы то ни было сношений с другими народами, нежели думать, что Китай не принадлежит к истории. Случайно только то, что лишено идеи, а Китай выразил собою идею первого гражданского общества, чему подтверждением служат его постановления, нравы, самое отсутствие религии, бедный язык, где один звук выражает пятьдесят совершенно различных понятий, иероглифическое письмо, – самое, наконец, презрение к другим народам, как к варварам... Г-н Лоренц не говорит ни слова о сношениях Индии с другими

народами, чем и исключает ее из истории; а между тем включает Индию в историю за ее литературу... Не явное ли это противоречие?.. Индия, точно, заслуживает почетное место в истории за ее религиозные секты, за ее литературу и искусство вообще. В ней мы видим теократическую нацию, насквозь проникнутую религиозностью, а в ее религиозных сектах – обожествление материи и животности, – поэтому тело коровы и было в ней признано благороднейшею формою духа, а боги ее так часто являлись в формах животных. Это обожествление природы есть первый момент религиозного сознания. Мы видим его и в Египте, где быки, кошки, аисты, лук, чеснок и пр. были божествами; но в религии зендов второй момент религиозного сознания – отрицание природы в пользу отвлеченных представлений добра и зла, на которые распалась, действительностию движущейся диалектики мысли, всецелость бытия общего, отрицание образов природы в пользу бесплотных духов света и тьмы. В Индии же вы видите первый момент искусства, которое из символики силится перейти в художественность и колеблется меж-

ду этими двумя крайностями, производя чудовищные образы богов и колоссальные храмы, лишённые всякой гармонии и стройности. В Египте искусство подвинулось вперед: боги приняли более человеческий образ; в изваяниях человеческих фигур видны соразмерность, правдоподобие и искусство; но эти фигуры неподвижны, принужденны, как будто связаны: художественный дух грека развязал их, обожествив в своих изваяниях образ человеческий. Вот точка, с какой, по нашему мнению, должно смотреть на историческое значение народов. Только тот народ имеет право назваться «историческим», который выразил свою жизнь момент диалектически развивающейся идеи человечества, и, с этой точки зрения, Китай и Индия – страны, в высшей степени исторические. Г-н Лоренц говорит, что у Индии нет истории: мы осмеливаемся не согласиться в этом случае с нашим знаменитым ученым. В Индии нет истории династий, войн, договоров, словом, истории политической, но есть история *браминизма* и *буддизма*, есть история искусства и литературы – и вот ее настоящая, истинная история: другой

не должно и искать... Г-н Лоренц несколько подробнее говорит о зендах, мидянах, персах, вавилонянах и ассириянах – и что же? Из сказанного им об этом предмете существенно только то, что сказал он о религии зендов – учении Зороастра, а все остальное, что говорит он, – мы не понимаем, почему оно историческое и до какой степени оно может служить картиною развития древнейшего человечества...¹² С этой точки зрения, мы находим не совсем удовлетворительным отдел о Египте: мало сказано о религии, об искусстве, о нравах, законах. Зато история Греции изложена, как еще никогда не излагалась на русском языке. Страницу, подобную 83–84, мы считаем одним из перлов истории г. Лоренца: только при таком объяснении духа народа из его поэзии можно понять историю народа! В наше время слово «всеобщая история» налагает на автора огромные обязанности, потому что заставляет ожидать от него полной картины жизни народов, где, подобно искусно расположенным теням, должны занимать свое место: и религия, и искусство, и наука, и ремесла, и нравы, и подати, и войска, а не од-

ни только войны да договоры. Политическая сторона должна быть только рамою истории, а не содержанием ее; собственно же политическая история есть история специальная, как, например, история войн, история литературы, искусств, ремесл и т. п. В этом отношении история Греции изложена г. Лоренцом превосходно. Все части ее расположены с таким искусством, что в уме читателя впечатлевается полная картина возникновения, развития, упадка, взаимных отношений всех республик греческих; над всем носится дух целой Эллады во всей полноте и во всей обаятельной красоте своей... Автор вводит нас даже в семейные, так сказать, тайны греческих обществ: говорит о жалованьи судьям, солдатам, о податях, о богатых поместьях афинских аристократов, с золотыми и серебряными рудниками в Фракийском Херсонесе и на островах... Если в истории Греции г. Лоренца слаба какая-нибудь часть, так это, по нашему мнению, очерк греческой мифологии: греческие мифы представляют собою полное развитие, в поэтических, пленительных образах, глубочайшего философского содержания;

в них заключается вся мудрость эллинская, которая навсегда останется мудростью человеческою... Систему греческих мифов следовало бы или развить поподробнее и поглубже, чем это сделал г. Лоренц, или совсем не упоминать о них...

Так же хорошо, если еще не лучше, изложена у г. Лоренца история римлян до Августа. И не мудрено: здесь все положительно, не сложно, и перейти от истории Греции к истории Рима, все равно, что из области немецкого умозрения войти в мир практической деятельности англичан. Не распространяясь в подробностях, заметим только, что в очерке латинской литературы г. Лоренц заставляет Овидия далеко уступить в таланте даже Вергилию, что, по нашему мнению, весьма несправедливо, ибо Овидий» – истинный поэт, а Вергилий только щеголеватый стихотворец, ловкий ритор в стихах. Но это, разумеется, мелочь: все же остальное в истории римлян у г. Лоренца превосходно.

К общим достоинствам прекрасного творения г. Лоренца принадлежит, кроме глубокой учености, еще и благородное, хотя и спокой-

ное, сообразное с достоинством истории одушевление. Симпатия ко всему великому, доблестному, возвышающему душу также составляет одну из отличительнейших черт истории нашего ученого и даровитого профессора. Сколько для примера, столько и для того, чтоб скрасить конец нашей статьи, выписываем здесь очерк личности Александра Македонского.

Характер Александра Великого, вследствие множества распущенных о нем неверных рассказов, часто был представляем в ложном свете: посему, оканчивая его историю, мы должны сказать несколько слов о его личном характере – по крайней мере сколько нужно для показания обыкновенно вносимых на него обвинений. Он был гений, в том никто не может сомневаться; он имел необыкновенную прозорливость в делах военных, в этом ему уступали первенство даже старые, опытные генералы, вышедшие из школы его отца; политический ум и кротость души он показал в поступках своих с побежденными. С этими качествами он соединял еще и поэтический, дух и живую, все одушевлявшую и все

за собою увлекавшую фантазию. Если бы утверждали только, что Александр, будучи еще так молод, не мог предохранить себя от влияния непрерывного счастья и ласкательств, которые обыкновенно действуют на душу человека; если б его обвиняли только в горячности, раздражительности и нетерпении противоречия, — то это было бы согласно как с психологическою, так и с историческою истиною, потому что Александр был человек и, следовательно, подвержен слабостям. Но так как всякое блистательное явление несносно для людской зависти, то обыкновенно стараются «мрачить лучезарное и попирать ногами возвышенное». Сия судьба постигла и Александра; вслед за славою его подвигов идут обвинения, что он будто бы был предан пьянству и другим порокам, и одну из величайших душ, которая когда-либо являлась в человеческом теле, втоптывают в грязь презреннейших страстей. Предание о наклонности Александра к вину проистекает из самого мутного источника; за верное можно принять только то, что Александр часто угощал своих генералов и по окончании завоева-

ний завел у себя гарем: то и другое соответствовало придворным обычаям македонян и персов. Как царь персидский, он должен был иметь гарем; как царь македонский, он должен был угощать своих знатных вассалов и с ними пить. Но что он не предавался ни сладострастию гарема, ни пьянству, о том свидетельствуют его дела, которых, верно, не мог совершить какой-нибудь сластолюбивый и преданный пьянству человек. Также и то, что он объявил о своем божественном происхождении, не есть еще доказательство его надменной гордости; он сам шутил насчет этого с греками; только для персов оно должно было иметь священный блеск, в котором они неохотно отказывали своим повелителям. Александр ревностно заботился о распространении наук и искусств. Славнейшие художники этого времени были: живописец Апеллес и скульптор Лизипп, которые следовали еще хорошему вкусу, несмотря на то, что искусство начало тогда клониться к фантастическому и колоссальному. Так, Стасикрат хотел сделать из Афонской горы колоссальную статую Александра. В правой руке она долж-

на была держать город с 10 000 жителей, а левой – чашу, из которой большая река ниспадала бы в море. Умным и прекрасным ответом Александр отклонил этот план. Он сказал: «Оставьте гору Афонскую, как она есть: довольно и того, что она служит памятником глупой гордости одного царя; Кавказ, Гемоды и Каспийское море скажут обо мне потомству. Они будут памятником моих деяний». Любовь к поэзии Александр показал не только глубоким уважением к творениям Гомера, но и тем, что он, среди громов войны и под бременем множества занятий, сам писал пиитические произведения. Также на Естественную историю Аристотеля он употребил большие суммы, и без его пособий и повелений успешное исполнение этого великого творения было бы невозможно{12}.

В заключение мы должны сделать два прозаические замечания: во-первых, для чего выписки из греческих писателей не переведены по-русски? Знание греческого языка у нас совсем не так распространено, как в Германии, и для большинства читателей г. Лоренца эти выписки только бесполезно увеличили кни-

гу. Во-вторых, перевод, несмотря на изъявленную автором в предисловии благодарность разным грамотеям, решительно недостойн такого сочинения, как история г. Лоренца.

Примечания

Список сокращений

В тексте примечаний приняты следующие сокращения:

Анненков – П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М., Гослитиздат, 1960.

Белинский, АН СССР – В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

ГБЛ – Государственная библиотека им. В. И. Ленина.

Герцен – А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти томах. М., Изд-во АН СССР, 1954–1966.

ГИМ – Государственный исторический музей.

ГПБ – Государственная Публичная библиотека СССР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.

КСсБ – В. Г. Белинский. Сочинения, ч. I–XII. М., Изд-во К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1859–1862 (составление и редактирование издания осуществлено Н. Х. Кетчером).

КСсБ, Список I, II... – Приложенный к каж-

дой из первых десяти частей список рецензий Белинского, не вошедших в данное издание «по незначительности своей».

ЛН – «Литературное наследство». М., Изд-во АН СССР.

Панаев – И. И. Панаев. Литературные воспоминания. М., Гослитиздат, 1950.

ПР – позднейшая редакция III и IV статей о народной поэзии.

ПссБ – В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., под ред. С. А. Венгерова (т. I–XI) и В. С. Спиридонова (т. XII–XIII), 1900–1948.

Пушкин – А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти томах. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1962–1965.

ЦГИА – Центральный Государственный исторический архив.

Руководство к всеобщей истории, сочинение Фридриха Лоренца...

Впервые – «Отечественные записки», 1842, т. XXI, № 4, отд. V «Критика», с. 35–45 (ц. р. 31 марта; вып. в свет 1 апреля). Без подписи. Авторство – ПссБ, т. XII, с. 332–346, 537, примеч. 32.

Начало работы над статьей определяется

письмом Белинского к Боткину от 14 марта 1842 г.: «Я все надеялся, что ты пришлешь мне с Кульником заметки об истории Лоренца и выписку из Гегеля; но пьянство есть порок... Теперь я сам должен, с моею ученостию, наговоря много, ничего не сказать о Лоренце».

В русской общественной мысли 30–40-х гг. XIX в., по словам А. И. Герцена, установился «союз новой философии с социализмом» (Герцен, т. VII, с. 252); под «новой философией» подразумевалась философско-историческая диалектика Гегеля, под социализмом – комплекс утопически-социалистических воззрений, выработанных главным образом французскими мыслителями первой половины XIX в. Статья Белинского по поводу пособия Ф. Лоренца является характерным свидетельством этого «союза», отразившим как его несомненное позитивное значение, так и его историческую ограниченность.

В отличие от ранних утопистов, которые проповедовали наступление «золотого века», основываясь лишь на принципе «естественного равенства», русские мыслители-демократы стремились к обоснованию закономерно-

сти движения человечества к социализму, используя в качестве главного аргумента гегелевскую идею о непрерывном поступательном ходе истории, управляемой всеобщим Разумом. Социализм – в представлении Герцена, Белинского и их единомышленников наиболее разумная форма социального устройства – выступал, таким образом, как неизбежная, детерминированная всем смыслом исторического процесса, фаза общественного развития. Как отмечает советский исследователь, Герцен и Белинский переосмыслили «самые общие понятия гегелевской философии – «идею», «дух», «разум»... У русских социалистов «идея» – это в конце концов не божественный разум, а деятельность реального исторического человечества... Законы диалектики понимаются ими не как формы существования надмирового духа, а как законы развития хотя особой идеальной, но вместе с тем и вполне реальной «личности» – человечества» (А. И. Володин. Гегель и русская социалистическая мысль XIX века. М., «Мысль», 1973, с. 167).

Тем не менее, даже пытаюсь переосмыс-

лить терминологию Гегеля, русские социалисты не могли преодолеть предустановленность его исторической концепции, идеалистической по своей природе.

Для статьи о книге Ф. Лоренца критик просил В. П. Боткина прислать материалы, не дождавшись которых он выразил свое недовольство в письме от 17 марта 1842 г. 31 марта Белинский писал Боткину: «О Лоренце не хлопочи: преступление совершено, и в 4 № «Отечественных записок» ты прочтешь довольно гнусную статью своего приятеля – ученого последнего десятилетия».

Сноски

1

«Бог создал» (лат.). – Ред.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Имеется в виду О. И. Сенковский, который писал, что исторический роман есть «плод соблазнительного прелюбодеяния истории с воображением» (см. его рецензию на роман Булгарина «Мазепа». – «Библиотека для чтения», 1834, т. II, отд. V, с. 14–44).

[^^^]

2

Ср. в статье «Разделение поэзии на роды и виды»: «Вальтер Скотт, можно сказать, создал исторический роман, до него не существовавший» (наст. изд., т. 3, с. 326).

[^^^]

Критик подразумевает полемику вокруг произведений Гоголя 30-х гг., во время которой П. М-ский (П. И. Юркевич) в «Северной пчеле» (1835, № 115), например, заявлял, что в задачу искусства входит изображение «забавного, трогательного и смешного» и что, соответственно, автор «Миргорода», обратившийся к «рубищам и грязным лохмотьям», отступил от своего призвания. Неодобрительными были отзывы о Гоголе и в «Библиотеке для чтения» О. И. Сенковского; здесь же выступил с анонимной рецензией на «Ревизора» Н. А. Полевой, указавший, что «у г. Гоголя нет никакой идеи» и что «его предмет – анекдот... всем известный, тысячу раз напечатанный, рассказанный и обделанный в разных видах...» («Библиотека для чтения», 1836, т. XVI, отд. IV, с. 42). О правке этой рецензии Сенковским см.: Н. А. Полевой. Очерки русской литературы, ч. I. СПб., 1839, с. XVII. Через несколько месяцев после появления данной статьи критика «Мертвые души» будут встречены еще более оскорбительными откликами П. И. Греча,

Полевого и Сенковского.

[^^^]

4

Произведения Т. Тассо, Д. Мильтона и Г. Клопштока.

[^^^]

5

Наиболее подробно историческая заслуга Гегеля сформулирована в рецензии на «Историю Малороссии...» Н. Маркевича (1843): «...философия Гегеля обняла собой все вопросы всеобщей жизни, – и если ее ответы на них иногда обнаруживаются принадлежащими уже прошедшему, вполне пережитому периоду человечества, зато ее строгий и глубокий метод открыл большую дорогу сознанию человеческого разума и навсегда избавил его от извилистых окольных дорог, по которым оно дотоле так часто сбивалось с пути к своей цели. Гегель сделал из философии науку, и ве-

личайшая заслуга этого величайшего мыслителя нового мира состоит в его методе спекулятивного мышления, до того верном и крепком, что только на его же основании и можно опровергнуть те из результатов его философии, которые теперь недостаточны или неверны...» (наст. изд., т. 5).

[^^^]

6

Это положение критика почти текстуально совпадает с точкой зрения А. И. Герцена в «Дилетантизме в науке» на «биографию» человечества, которая «имеет глубокий и все-связывающий смысл» (Герцен, т. II, с. 87).

[^^^]

7

Слова Белинского: «Мрачный дух сомнения и отрицания...» – перефразировка пушкинской строки из стихотворения «Ангел» (1827):

*Дух отрица́нья, дух сомне́нья
На духа чистого взирал...*

[^^^]

8

Советские исследователи, отмечая сближение «и даже отождествление понятий «прогресс» и «разумный промысл», указывают, что, поскольку русские социалисты «принимают концепцию разумности истории, они не в силах последовательно развести сливавшиеся у Гегеля понятия «закон», «разум» и «бог»...». (А. И. Володин. Гегель и русская социалистическая мысль XIX века, с. 173–174).

[^^^]

9

Под «ориенталистом», прославлявшим «немой, мертвый эмпиризм», подразумевался О. И. Сенковский, который был не только издателем и журналистом, но также профессором кафедры восточных языков Санкт-Петербургского университета.

[^^^]

10

По древнегреческой мифологии, Ариадна вручила Тесею клубок нити, благодаря которому он выбрался из лабиринта Минотавра.

[^^^]

11

Здесь и далее критик цитирует Ф. Лоренца с некоторыми неточностями.

[^^^]

12

О воззрениях критика на исторические судьбы народов Востока см. преамбулу примечаний к статье «Россия до Петра Великого».

[^^^]

[^^^]